

## КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 124.5+87.127

*Г. П. Выжлецов*

### ЦЕННОСТЬ И ЭКЗИСТЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АКСИОЛОГИИ

Жизнь — это осуществление возможного.

*О. Шпенглер*

Все абсолютные причины зависят от ценностей.

*А. Н. Уайтхед*

Классический этап в истории аксиологии (1890-е — 1920/30-е годы) завершается настоящим ее бумом, когда, определив наконец свое «имя» (П. Лапи, 1902 г.) и общепризнанный статус (Э. Гартман, 1909 г.), она активно заработала практически во всех областях социогуманитарного знания. При этом содержание самих аксиологических концепций располагалось между крайностями субъективно-релятивистского и объективно-абсолютистского подходов.

Спустя столетие, с 90-х годов XX в., происходит определенное возрождение интереса к аксиологии и за рубежом, и в России, где за этот период вышло более полусотни монографий, из них минимум три десятка уже в XXI столетии. Автор одной из обобщающих американских монографий по аксиологии еще в 1995 г. отмечал «возобновление интереса к ценностной теории» [1, р. IX]. Настойчивое муссирование самого понятия «ценность» в средствах массовой информации, внедрение ценностной терминологии в публичную общеупотребительную лексику привело, по мнению ряда аксиологов, к философской девальвации ценностной проблематики и ее фактическому исчезновению из фундаментальных философских исследований. При этом сама аксиология как философская дисциплина оказалась в конце XX столетия в теоретико-методологическом тупике, не сумев выработать не только общепризнанной концепции ценности, но даже единого представления о предмете и статусе самой аксиологии среди философских дисциплин. В результате «фундаментальная аксиология, в отличие от множества разновидностей “прикладных”, переживает глубокий кризис» [2, с. 11], который отражается и на любых попытках ее прикладного использования. Отличие же подлинного бума аксиологии вековой давности от современного заключается, во-первых, в том, что первый был подготовлен внутренними потребностями и логикой развития самой философии и, во-вторых,

---

*Выжлецов Геннадий Павлович* — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: vygletcov@mail.ru

© Г. П. Выжлецов, 2013

в отсутствии сегодня классического абсолютизма во втором из названных подходов, о чём свидетельствуют десятки монографий и сотни статей по ценностной проблематике 1990-х — 2000-х годов.

Сторонники распространенного сегодня субъективно-релятивистского подхода считают, что ценности представляют собой некомуницируемую сокровенность переживания, которую человек так же не может ни с кем разделить, «как за кого-то родиться или умереть» [2, с. 79]. Ценности, по их мнению, существуют не объективно, а лишь «в социальном или индивидуальном сознании», благодаря чему «ценностная модель исключительно субъективна, а значит, *безосновательна*» и «*никаких общечеловеческих ценностей... не существует*» (курсив мой. — В. Г.) [3, с. 93, 120–122]. Из чего следует, что «все наши ценности являются иллюзиями», в том числе, например, «благо, красота, справедливость» [4, с. 10–11].

Однако субъективная реальность, связанная с сознанием и деятельностью людей в качестве источника ценностей, и значимость как их исходный признак являются общим смысловым полем и для противоположных, казалось бы, социально-объективистских концепций. Их понимание ценности отличается от «субъективистского» признанием объективности и только положительной значимости тех же явлений субъективной реальности, которые представляют собой «всё то, что благотворно значимо для людей». «Ценности антропны по своей сущности», и лишь человек является их «критерием» [5, с. 21]. Но поскольку значимость любой степени общности может быть как положительной, так и отрицательной, критерием выбора не может служить никакой «антропный принцип», поскольку не только индивид, но и социальный субъект любой степени общности одинаково обречены на выбор — и тогда, согласно Сартру, «ценность есть выбираемый вами смысл» [6, с. 342]. Но именно смысл! Ибо экзистенциальная философия абсолютизирует не любую субъективную реальность, а лишь экзистенциальную, связанную с поиском и выработкой смыслов — а через них, в конечном итоге, и с соответствующими ценностями. Проблема заключается в том, что экзистенциальная реальность как предельное основание субъективной человеческой реальности неизбежно требует трансцендентного обоснования, чтобы не впасть в субъективистский релятивизм, с одной стороны, и в теологический абсолютизм — с другой. Но для этого экзистенция (ее специфика, содержание и формы проявления) должна рассматриваться на современном этапе именно как общеполитическая категория.

Общим для экзистенции и ценности является то, что они принадлежат к особой деонтической реальности, которая в узком смысле означает сферу должного как основу морали в кантовском смысле, а в широком — весь спектр экзистенциально-ценностного мира. В деонтической триаде «хочу — могу — должен» экзистенция в собственном ее значении относится к сфере возможности выхода за «пределы себя» (*ex-sistere*). Она есть бытие в возможности на основе свободного выбора целей и средств их достижения в процессе самоосуществления человека. Таким образом, экзистенция характеризует поступки и поведение человека, уже не подвластные формально-логическим и собственно гносеологическим критериям.

В предельных своих основаниях экзистенция занимает временную нишу от одного небытия до другого, т. е. от рождения до смерти, и характеризуется уникальностью и неповторимостью: это только мое рождение и только моя смерть. Поэтому экзистенция описывается в терминах организмической модели: «рождение» — «раз-

витие» — «кризис» — «смерть». Сущность экзистенции — неповторимость жизни и неизбежность смерти — и придает необратимому человеческому существованию «высший смысл» (В. Франкл), выводя его на трансцендентный уровень, где экзистенция и пересекается с ценностями.

В смысловое поле любой ценности входят значимое, должное, желаемое, проявляющиеся как норма, цель и идеал, которые и становятся посредниками в межсубъектных ценностных отношениях человека к самому себе, другим людям и общностям, к природе и Богу как к самоценным субъектам. Основой ценности является значимость явлений для человека, которая в процессе выбора, предпочтения и оценки может быть положительной или отрицательной, поэтому в жизни и культуре реально функционируют не сами по себе ценности или их антиподы, а именно ценностные противоположности (добро — зло), пронизывающие амбивалентность экзистенции на всех ее уровнях. Их динамическое противостояние в сознании и действиях людей и создает внутреннюю напряженность экзистенциально-ценностного поля. Но именно ценности представляют собой своего рода опорные ориентационные пункты в этой аморфной, на первый взгляд, реальности. Ибо специфику ценности как исходной аксиологической категории нельзя понять не ответив на вопрос о её предельном основании, т. е. трансцендентном источнике, а не просто формах проявления, как в рассмотренных выше концепциях.

В современной науке основные концепции происхождения жизни, в том числе человеческой, на Земле так или иначе связаны с космическим фактором, с идеей вечности жизни во Вселенной: «Наряду с гипотезой о начале жизни в геологические или космические эпохи существования нашей планеты, — писал В. И. Вернадский, — может быть выдвинута гипотеза о ее вечном существовании в космосе» [7, с. 319]. Бесконечная космическая эволюция порождает в определенных условиях не просто жизнь и сознание, но на их основе и то, что философия называет духом. Отсюда в человеке как единстве тела, души и духа соединены три высшие тайны Бытия: жизнь — сознание (сверхжизнь) — дух (сверхсознание). Поэтому сущность человека, обладающего сознанием и разумом, не сводится к его биосоциальной природе, а включает в себя духовное начало. Ценности и являются посредником — проводником духовно-энергетического потенциала бесконечной вселенской жизни в сферу сознания и бытия человека и, как истина духа, становятся внутренней основой и сущностным ядром его жизни и культуры.

Непосредственно ценность и экзистенция пересекаются в содержании экзистенциальных ценностей (Э. Гуссерль, Г. Марсель, М. С. Каган, И. И. Докучаев), содержательно интегрирующих все артефакты культуры. Отличительным признаком экзистенциальных ценностей является их выход к трансцендентным основаниям, благодаря чему они и выступают посредником между повседневностью и трансцендентным миром. Ибо само определение смысла жизни располагается между полюсами трансцендентного (за пределами человеческого бытия — например, в бессмертии души и ее спасении в христианстве) и имманентного (в самом земном существовании человека) подходов. Но это не столько два разных подхода, сколько предельные границы смысложизненной ценностно-экзистенциальной реальности.

Взаимоотношение ценности и экзистенции, казалось бы, неразличимых в этой на первый взгляд аморфной сфере реальности определяется тем, что экзистенция снимает кажущуюся обезличенность ценностных противоположностей, конкрети-

зируя их содержание. Ценность же, преодолевая аморфность экзистенции, придает направленность смысложизненным процессам в противостоянии ценностей и их антиподов, определяя смысл и содержание культуры как творца и творения человека.

Смысложизненный характер экзистенциальных ценностей и определяет их особую роль в человеческой жизни и культуре. Как писал Н. О. Лосский, нельзя ради самой «жизни утрачивать смысл жизни», и хотя «нет в мире ценностей... выше индивидуального личного бытия и индивидуальной жизни, но многие ценности стоят выше земного телесного существования» [8, с. 199]. К ним относятся прежде всего высшие духовные ценности, например совесть как «орган смысла» (В. Франкл), любовь как источник жизни, красота как главное условие любви, вера как «сила жизни» (Л. Н. Толстой). В каждой жизненной ситуации эти ценности воссоздаются вновь и вновь каждым поколением и каждым человеком, и в этом их уникальность и неповторимость. Но миллиарды раз пережитые и повторенные в истории человечества, эти уникальные состояния имеют названия на всех языках мира, благодаря чему они универсальны и всеобщы. Единство уникальности и всеобщности функционирующих и передающихся из поколения в поколение ценностей и делает их общечеловеческими.

Однако культура не может быть и никогда не была воплощением только ценностей идеала, а антикультура — их антиподов, как утверждают «объективисты». Она всегда есть активное противоборство взаимосвязанных экзистенциально-ценностных противоположностей в сознании и действиях людей и их общностей. Поэтому культура в конечном итоге всегда есть преодоление ценностями своих антиподов, причем ценности представляют лишь внутреннюю основу и ядро культуры. Точно так же и сама философия, будучи рациональной рефлексией на универсалии культуры (М. К. Мамардашвили, В. С. Степин), не является лишь теорией ценностей, как показалось в свое время неокантианцам. Речь идет, естественно, о понимании общепhilософского статуса аксиологии. Здесь характерна позиция принципиального противника аксиологии М. Хайдеггера, который в своей фундаментальной онтологии органически связал бытие, ценность и истину, показав, что истина принадлежит одновременно бытию, сознанию и его отношению к бытию. Она не является характеристикой лишь знания о бытии как сущем, а выражает смысл бытия как такового, поэтому «вопрос о ценности и ее существовании коренится в вопросе о бытии» [9, с. 71; см. также: с. 256, 355–361, 424].

Ибо возврат к доаксиологической философии уже невозможен в принципе. Под влиянием глубинного ценностного переосмысления произошли и продолжают происходить содержательные и структурные преобразования и внутренняя дифференциация всех разделов, уровней и направлений философии, не всегда осознаваемые философами. Главная задача аксиологической функции философии — раскрывать вечные вопросы бытия в болевых точках своего времени — становится теперь интегрирующей функцией всего философского знания. Поэтому современная аксиология — это не просто обособленный раздел и функция философии наряду с онтологией и гносеологией; она в содержательном единстве с ними сохраняет и определяет саму специфику и целостность философского знания на данном этапе его развития.

## Литература

1. *Lemos R. M.* The Nature of Value. Axiological Investigations. Gainsville: University Press of Florida, 1995. 217 p.
2. *Шохин В. К.* Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль: монография. М.: Изд-во РУДН, 2006. 457 с.
3. *Докучаев И. И.* Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб.: Наука, 2009. 595 с.
4. *Комт-Спонвилль А.* Ценность и истина: Циничные очерки / пер. с фр. Е. С. Ганс, И. А. Мнушкина. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. 256 с.
5. *Макейчик А. А.* Аксиология: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 128 с.
6. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов / сост., общ. ред. А. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1989. 396 с.
7. *Вернадский В. И.* Живое вещество. М.: Наука, 1978. 358 с.
8. *Лосский Н. О.* Условия абсолютного добра. Основы этики. М.: Политиздат, 1991. 368 с.
9. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

Статья поступила в редакцию 3 февраля 2013 года